

Сергей Рядченко

Пасынки штиля

РАССКАЗ

Спор зашёл о войне и мире.

На шестнадцатом этаже в общежитии на Галушкина.

Ну не просто ж так водку жрать.

Наши сбили как раз наведни пассажирский корейский "Боинг". Так что было об чём послушать. И других, и себя, любимых. Слово за слово, челом по столу, и извлёкся вдруг этот опус из стола одного из нас. И сыскалась воля собрания его выслушать аж до точки. Жил в столе, никого не трогал. Дело давнее, а запомнился. Там читать часа полтора.

— Ну, поехали?

И поехали. С первой фразы и до последней. С "Так убей ты уже его, наконец, а то ветер дует и дует" и до финиша "Ну, бывай, убивца. Свидимся завтра".

Там в начале на склоне вечером над обрывом, над лодочной станцией, на зелёной июньской травке два спортсмена, она и он, два динамовца, покинувши стадион, распивали вино, дурью маясь, ну, и он её приговаривал, а она ему не давала; а внизу расходился шторм. У неё фамилия Радуга, обращаются к ней Томила, он Томили, зовут Борисом. Вот такое вот совпадение. Вот такие Томила с Томилиным. Она старше, харизматична, он в десятом, она студентка, он ведомый, но сильно хочется; она спринтер, а он по прыжкам в длину; у неё застуженность чувств, как бывает после фрустрации; он с глупости и сентиментален, всё торчком, надувається, как индюк; его руки под винчик рыщут, то под юбку ей, то под свитер, а она над ним потешается, допускает и отвергает. А болтают ребятки бойко, диалоги писать умеем; залива-ет Борька ей про героизма прошлым летом, знать, на каникулах, брат его, офицер спецназа, взял с собой в боевой поход, колошматили басмачей по горам за мостом за речкой; она врать позволяет вволю, всё равно ж понятно, что бредни, ерунда всё и детский сад, а сама талдычит про безотцовщину, про безденежье и про то, что всё опостытело, надо б, значит, жизни поддаться. И витает над ними в сумерках океанский бес — неприкаянность. Предлагает Борису Радуга прогуляться им в шторм на лодке, только выйти за волнорез, чем не спятила, полоумная? И вернуться назад целёхонько, вот такая вам будоражина; и коль справятся и понравится, коль Томили смекалку с отвагой явит Томиле, то, как в сказке, тогда готова под него вся сразу на берегу.

А в хибаре лодочной станции надрыгает двухрядку хмельной Евлампич, тот, что Лампыч для всех, кто знает; ну, а лодки все на цепи, сверху брюхом, носами к морю, в три ряда, как три частокола, завалившихся спать в песок; и качает ветер фонарь за его жестяную шляпу на боку скрипучей хибары, и терзает "Землянку" охрипший Лампыч, и в печурке тесной огонь, и дойти до тебя непосто, а до смерти четыре шага; Борька долго к нему стучится, подливает в стакан, но Лампыч, он уснуть не желает, Лампыч, хочет пить он и плакать, Лампыч, хочет клясть он кого-то, проклятый Лампыч; Борька бежит к Радуге по скрипучим сходням вверх на склон за бутылкой и в виде по ним же, чтоб подлить гармонисту на сон грядущий; пока бежал, о пса споткнулся, тот признал и не укусил, порычал, скульнул и продолжил дрыхнуть, уважая в себе свой возраст; Фунтик сторож преклонных лет, мастер лаять, не пробуждаясь. Наконец одолел сон Лампыча, тот забылся на тюфяке, а Томили с Радугой крадут лодку; он замок с цепи каменюкой сшиб — та валялась тут под кодолу, вдвоём лодку перевернули и к прибою поволокли, ну, а Фунтик вскинулся вдруг и в лай, вспомнил молодость, да не в шутку, а вот-вот цапнет; и тогда Томила Томилину первый раз говорит про это; фраза в опус зачином вставлена, а потом сюда предыстория, ну, и вот, добрались до её "так убей ты его, а то шторм крепчает, а то ветер зябкий, убей давай!"; и Томили, в раже ли, под парами, в дури ли, а с веслом, прыгнул, на Фунтика кинулся и убил того, забил насмерть; напоследок Фунтик, дух испуская, так шумнул на луну с подвизгом, что и Лампыча пробудил, и несётся Лампыч к ним с матюками и свистит в свисток, как заправский мент; и его пробий, не сложней, чем пса; и Томили Лампыча хватать веслом, тот с катушек и не шевелится, не ругается, не свистит; вот никчемный же человешишка; дышит хоть? да что ему будет! шторм зовёт, и ветер крепчает, в головах и вокруг, повсюду, и луны полный шар сквозь тучи всех магнитит, кто тут снётся; сквозь прибой протолкались, вверх-вниз в азарте, удержали нос супротив наката, отвалили от берега; и Томили, спиной к волнам, налегает на вёсла с гиканьем, а Томила с кормы хохочет, пробивает хохотом ветер, подставляет брызгам лицо; одолели выемку в волнорезе, а за ним уже балл поishes; ну, давай, возвращай целёхонько, коль силен басмачей громить на каникулах; и отдать Томилину должное, может вёслами он орудовать, умудрился лодку поворотить меж волнами, не опрокинувшись; но волна на корму, не волна на нос, и Томилу попросту смыло, лодку хрястнуло о бетон, накренило, еще раз хрястнуло, и Томили пенистый вал сволок, проводок да выволок захлбистым кубарем; но его-то по эту сторону, где потише, а она где-то там, по ту; Борька выбрался из прибои и лежит на песке рыдает, что теперь ему, мама, будет; жалко Радугу, не дала, а теперь и не даст уже, никому никогда не даст; как всё быстро и не воротишь; Фунтик сдох, да и Лампыч тоже; надо драла давать отседова и лепить со всех ног себе прочность алиби, а постылая было жизнь снова кажется не постылой, а такой притягательной и уютной, только вот взбеги на обрыв и отнекайся от кошмара; и пока он так убивался да плевался песком и водой солёной, объявилась и Радуга, тут как тут, ну не дура же, чтоб тонуть в пять баллов, и одна печаль с Бориса долой, и другая за нею вроде бы тоже — оклемялся Лампыч, не помер хрыч, не отбросил коньков и не врезал дуба; только снова давай он права качать и грозить разбойникам карой скорой, и басскажет Борькиным он родителям, да в свисток свистеть, да клешней махать; и тогда опять прозвучало это из Томилиных уст, от Радуги: да прибой его, наконец, сколько можно, с него ж, Борь, станется жизнь теперь перепортишь всем; вёсла в шторме далече пляшут, но зато каменюка тут под рукой, что валялась тут под кодолу и уже разок пригодились; и чего в самом деле? а ничего; шваркнул Лампыча

наш прыгун каменюкой по бестолковке, тот опять кибрык, не шевелится, вот никчемный же человешишко; ну, теперь давай, обещала же; так не справился ж, уговор был вернуть целёхонькой; уж как вышло, сама всё видела, да к тому ж и цела, погляди сама, да к тому ж вот зашибли Лампыча, разве ж это того не стоит? ну, пожалуй, согреться б только бы; благо в сумках шмотки спортивные, что посуше тех, что на теле; приоделись, переоделись; ну, давай уж, чего тянуть; ну, давай, герой, только быстро, а умеешь? иль не умеешь? или ты не умеешь медленно? только мимо сарказм Томили, как горохом об Борькинский невтерпёж; и едва прыгнул на бегу, появившись нарядом ночной погранцов и сграбастал наших отчаянных; тут и Лампыч опять воскрес, только вот говорить не может, всё мычит и руками машет, в драку лезет с кем-то невидимым; ну, а Фунтик ожить не смог, помер Фунтик, рыдает Лампыч; а Томила с Радугой на заставу, выяснять, какие они шпионы; а наряд, если кто заметил, он неполный, всего их двое, рядовой сержантом, ну и с овчаркой, а старлея с ними не видно, потому что заставка тут в двух шагах, ещё ближе, чем смерть в "Землянке", и случается командиру, мы же знаем, что так бывает, подтвердить, что служба не только пахота, но еще и порою рахат-лукум, особливо, ежели пока молод и к прекрасному полу не охладел, так на кой ляд, скажи на милость, всякий раз по песку выхаживать, по границе суши и моря, со своим составом обученным, возглавлять постылые поиски тех в ночи, кого днём с огнём, сами справятся, не салаги же, ты ж урви от службы часок и сорви у резвого случая поцелуй молодой и свежий; так бывало, что рассуждали, и частенько им с рук сходило, лейтенанты на той заставе, ну, а девушки туда бегали, может, даже хотели замуж, а солдат командира не выдаст, а овчарка его не съест; вот, застужали нарушителей, и беспешно их конвоирует на заставу сержант с овчаркой, рядовой же метнулся, куда велели, и к заставе вышли в полном составе, и старлей, разумеется, был сердит и отвесил Томилину подзатыльник со словами "а мамка вам разрешает?"; и в сердцах к такой вот риторике приложил обидный матюк; офицер дежурный на той заставе, капитан Рудницкий, нюхнувший порохи, а сюда направлен после ранения, хоть недавно, а сыт по горло похотливостью летних парочек, всем им негде и всем не терпится, попадают то и дело, нарушают покой в ночи, вот и он был не рад застужанным, выясняя теперь, не шпионы ли, и, конечно же, не шпионы, ну а ты выясняй, морочься, и с придурками, и с бумагами, установишь: не завербованы — и сдавай милиции на руки; вот такая рутина, могла б и нравиться, но не после же Гиндуша; а еще капитан Рудницкий недоумен своим старлеем, снова этот неугомонный нарушал устав, изменял присяге, тискал где-то новую пассию, а не службу нес, как положено, будь на месте, не стал бы сюда тащить эту парочку, отчитал бы и отпустил, а при этом старлей ему нравится, просто порохи он не нюхал; вот его б к Рудницкому в его рейды южнее Кушки, враз бы вставилось разумение; устареела присказка офицерская: меньше взвода не дадут, дальше Кушки не пошлют; отчего же — теперь пожалуйста; а по ходу вопроса задержанных выплывают, всплывают, детали с нюансами, словно цепки разбитой лодки, и Рудницкий, вникая хотя, наконец понимает, что перед ним изложение песенки про маркизу, где в остальном, прекрасная маркиза, всё хорошо, но это в остальном; с перепугу Томили верзёт не то, что ему бы надо бы в ситуации, а Томила его шугает, он шугается и верзёт; капитан его молча слушает, и от взгляда его с молчалим у Томили на лице; вот верзётся им чуть про Фунтика, тот, по Борьке, дух испустил на глазах у влюбленной парочки по причине хронической старости, с коей громкий собачий лай вник в прямое противоречие, не совместным явился с жизнью; тут и лодка с цепи срывается, шторм сорвал, оборвал замок, и уносится лодка в море в мрачном свете луны сквозь тучи и болтается там по маслу на поверхности у полотен, ну, а может быть, их подделок, от Куинджи с Айвазьяном¹⁾, нет, пардон, с Айвазьяном, ну, вы же поняли, на волнах, и болтает вёслами в двух скрипучих ржавых уключинах, шторм грохочет, и скрип скрипит, и влюбленной парочке кажется, будто лодка сама гребёт, потому как вёсла в ней так и прыгают, и под стая голландцу летучему без людей уносится вдаль; и какая-то несусветь от Бориса в допросе звучит про Лампыча, тот двухрядкой терзал печурку, в тесноте там бился огонь, а Евлампич башкой об вёсла, об уключины от кручины вечной нетрезвости по причине вечной тоски по утраченной безвозвратно фронтовой и героической юности; вот и сам себя Лампыч вырубил, приложился лобешником об уключину с боку на бок и с ног долой, а сон сторожа, забытый на посту его, порождает в ночи разбой; вот прихлынул накатом шторм, тут, как тут, и упёр со станции лодку с вёслами, и едва не сволок шторм в свои объятия и Томили с Радугой заодно в поцелуе сладком, те едва поспешили из лодки высочиться, от волны отбиться руково-ногово, октомановопедно²⁾, ладно, вымокли все насковозь, но зато живёхоньки; испунились, не помирать же; а по Борькиной оклесеце вдруг тут Лампыч к жизни воспрял, и напугавши всё на свете, ну тревогу бить и в свисток свистеть, будто это Радуга с Борькой сдурю тырять лодку его дурачку, а не шторм могучий, стихия грубая; и несётся к ним Лампыч на всех парах, что вовек уже из него не выветрится, и пока бежал, налетел на пса и зашиб того насмерть, оборвав его лебединый лай, ну, и сам в спотык, на кодолу рухнул, прямо кумполом с хрусстом в черепе и зубами, значит, в песок; лишь затеялись Борька с Радугой его выводить да повыходить, как награнный наряд с овчаркой, отчего едва Лампыч не очокурился, а Томила тут гнёт своё, что пришла туда не за этим, а с отцом пришла повидаться, ейный папенька, значит, Лампыч, он давно их с мамушкой кинул, вот

¹⁾ Архип Куинджи "Ночь на Днепре", Иван Айвазовский (Ованнес Айвазян) "Девятый вал".

²⁾ Окто... — (гр. окто, лат. окто) первая составная часть сложных слов, соответствующая по значению слову "восемь"; manus (лат.) — рука; pedis (лат.) — нога.

соскучилась, вот пришла; вы его, капитан, спросите, протрезвел же, не даст соврать; Лампыч, тут он, в бинтах, просто Щорс из песни, голова вот, смотри, обвязана, кровь, смотри вот, на рукаве, за тем след по траве в песне стелется, а от Лампыча перегар; навёл резкость, признал Томилу, перестал мычать, вопит "доченька!", лобызаться к ней и слезу пускать, что копейка-жизнь и судьба-злодейка; а Томила отчество Севастьянович, а ты Глебу, случаем, не брательник? а чего ж не брательник, когда брательник Борька Глебу, вот мать честна! Глеб Томили в прошлом апреле, перевал Шарог, рядом с Аль-Арчи, подорвался в рейде на мине, и Рудницкий его тащил на себе уже "грузом двести", вот такие, братец, делишки, вот такая, Боренька, чехарда; а Томила, Лампычу отирая кровушку из-под красно-белых бинтов, то ли в шутку, то ли всерьёз указывает Борьке, что, значит, врал он про героизма героический на каникулах, потому что к прошлому лету брат его, понимай, в земле глубоко зарыт и уже не встанет; вот такая у Радуги вдруг дотошность, что Рудницкому челюсть вниз; ну, а Борьке терять уже нечего, он стоит на своём, не промах, что еще на год раньше брал с собою Бориса Глеб в боевой отважный поход, и кого они там громили, то, ребята, большой секрет, потому что, козлу ж понятно, что по датам и по пиздатам, а дворец Амина еще не взят, и генсек с Устиновым и Громыхой в тот маразм еще не допляпались, и Бабрак им Кармаль еще впереди; и козлу, да, понятно, а прочим всем, как хотят; ну что дежурному по заставе с таким поделать, как тут быть ему с этим братиком боевого друга погибшего и с такой вот братика пассивой, дочкой лодочника Евлампича, как ему, капитану Рудницкому, развязать такой вот моток? не сдавать же теперь их, раз так, в милицию, что он скажет Глебу потом при встрече, когда б встреча ни предстояла, а он знает, что предстоит, как в глаза там ему посмотрит? чем ему оправдаться там, что смекнуть не смекнул, что Борька вот бесится, потому что не знает, как соответствовать в мирной жизни героизмом брата, что ума не приложит, чем искупить, что брат пал, а Борька живой живёт; надо б этого огольца передать с рук на руки папе бы с мамой и сказать им, коль выйдет, слова про Глеба, что давно хотел, да всё не пришлось, про их дружбу день изо дня под пулями; только папа с мамой их, Глеба с Борькой, на курорте в родной Карелии, вот младшой и пустился в бурное плавание; а вот сдам, динамовцы, вас в милицию, по головке вас не погладят, комендантский час на всем побережье, он один для всех, а не сбoku бантик; ну, короче, отсюда брысь всем, по домам, спортсмены, и с глаз долой, и давай, Евлампич, там не бузи, пса зашиб, схорони по-тихому, нету нянек тебе, ну, а выпил литр, так не пей второй, всегда завтра есть, что с утра добавить, ну, а лодку смыло — нехорошо! щепки-вёсла назавтра повытащи из прибои, сложи до кучи, капитан Рудницкий придеёт проверит, а не то решим, что шпиона в лодке за бутылку к туркам ты перевернул; и не шутим, граница тут, а не хрен с бургом, и тебе шутить не советуем; на такой манер капитан Рудницкий разметал всех, куда положено, разметал дурацкий клубок и навел порядок в своем хозяйстве негсибаемый капитан, хлопнул спирта и размышляет, что за что же они боролись и куда же оно всё катится; и старлея ждет нагоняй; а Томили с Радугой с Лампычем закопали Фунтика под обрывом и в надгробие каменюку, что валялась тут под кодолу, вот, уже пригодились трижды, и пустили над ним слезу; а Томила Томилину мозг выносит про никчемность Борьки и бытия, и про то, что Лампыч ей никакой не папа, сплутал всё и чисто под мнением с пьяных глаз и от общего сотрясения, от Луны или просто "белку" словил; вот никчемный же человешишка; а давай зашибём его, чтоб не мучился, всем же сделаем одолжение, разве ж это того не стоит? и лопатой тут же Томили Лампыча по бинтам того хватать, тот кибрык на могилку Фунтика и опять не дышит, ну пустая же его душонка; а Томили с Радугой крадут лодку и выходят на вёслах в шторм, оголтелые в своей удали, потому как штиль у них в отчихмах, а вот буря им мать родная, и мотает их штормом заново по ту сторону, по ту сторону, и восторг у обоих выше всех волн; в этот раз воротились, хоть хрястнулись, и втащили полную воды лодку всем спортсменством своим на песок подальше, и восторг у них теперь выше туч, подлетает к Луне он и пляшет около; а в хибаре двухрядка вздохнула жалобно, и забился в печурке тесной огонь; и Евлампич рад Томилину с Радугой ну не меньше, чем новой жизни, и опять лобызаться к Томиле "доченька!", и опять душить Бориса в объятиях, а клешня у него, как у краба в манграх; придуши его, велит Радуга, сколько ж можно, ну в самом деле, нафига кому такой папенька, но на сей раз Борька в отказ, потому что Бог любит троицу, и четвертый раз убивать нельзя; долго спорят, не переспорила; просушили на печке шмотки, а Евлампич от счастья плачет, потому что родная нашлась кровинушка, и рыдает в тоске Евлампич, потому что Фунтик того; ну, бывай, Евлампич, и не хворай; и восходят Томили с Радугой на обрыв по скрипучим сходням и бредут вверх по склону, чтоб выйти в город сквозь любимый свой стадион; и уже светает, а на заставе капитан Рудницкий, разливши спирт по двум стаканам, негсибаемый капитан уверяет старлея, что, коль вот так оно, коль вот так всё и не иначе, коль в таких обидных нынче молодежь тут по миру шагает, да и сам старлей недалече, то тогда вот увидишь, не за горами, а держава нарождается женским местом; и приводит Рудницкий слова поэта: «...тут все ссоры по мелочам; ходят ляди в модной одежде, улыбаются сволочам; тут размыты границы между жизнью, смертью, добром и злом; дураки, хапуги, невежды прут в начальники напролом; а талантливые уныло в разговорах свой тратают пыл... неужели тут так и было, когда я туда уходил?»; так что надо старлею проситься в дело, а не то, а не то, а не то хана; а на склоне, на середине, тут теплее, и ветер стих, и просить не надо уже, уламывать, всё само собой по наитию, по подобию мига краткого, мига краткого, но завязаного, что им выпал из узкой трещины между днём и ночью, между мирами, когда бес окайный сдает дела, а другой их ещё не принял, и Томили уже на Радуге, та под ним, сарказм улетучился, и соитие длится долго по причинам неустановленным, да и чёрт с ними всеми, с причинами, результат же неоспорим; и Томила шепчет Томилину, что он лучше, чем с виду кажется, а тому ещё сразу хочется, вот рассвет бы не наступал; будет, мальчик, еще, не нюнься, а теперь, мальчишечка, хватит, по домам и байники, мой герой; ну, бывай, убивца, до встречи завтра.

Только завтра уже сегодня...

Расходились немногословно.
Время за полночь.
Сладких снов!